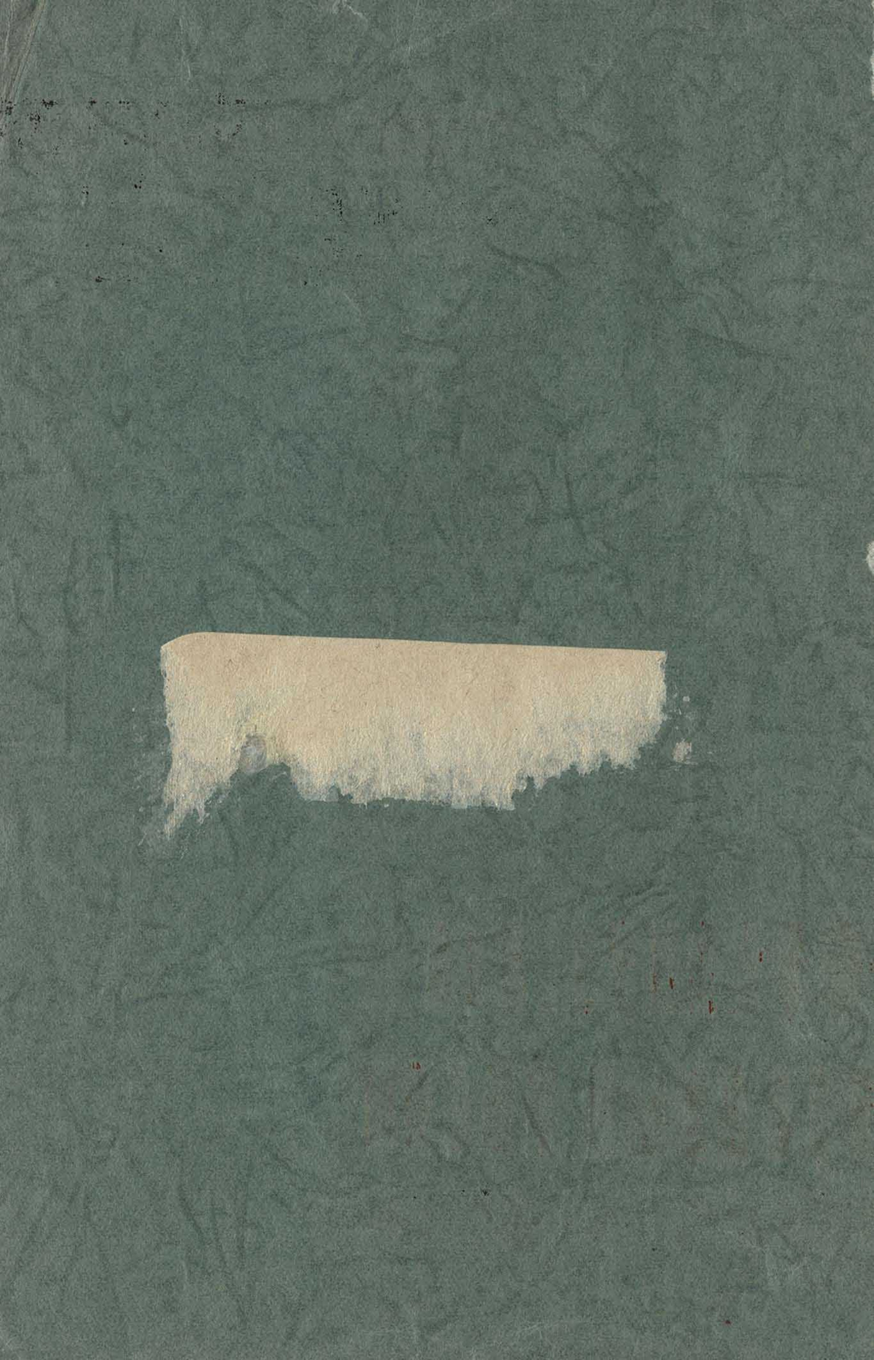
Собрание сочинений
Н. Гумилева
Французские
народные песни.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. ГУМИЛЕВА.

Французскія народныя пѣсни

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
Н. ГУМИЛЕВА.

ФРАНЦУЗСКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

1363 Rue Lafayette
Shanghai.

Напечатано в типографіи
Издательства «ДРАКОН»
J. J. Vassilieff, 1363 Rue Lafayette,
Shanghai, China.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Французским народным пѣсням не повезло: в то время, как всѣ другія націи с конца восемнадцатаго вѣка живо заинтересовались своей народной поэзіей, обрабатывали ее и собирали, французы, восхищаясь чужими пѣснями, извѣстными им в переводах, пренебрегали своими. Причины этого: отчасти суровыя требованія их стихосложенія, которым не всегда удовлетворяло народное творчество, отчасти расцвѣт романтической поэзіи во Франціи, насыщавшій в читателях жажду новизны. Только с пятидесятых годов начинается во Франціи собираніе народных пѣсен и в концѣ вѣка поэты Мореас, Метерлинк, (позже Верхарн) научаются пользоваться ими для созданія совершеннѣйших образцов французской поэзіи.

Французская пѣсня извѣстна нам с двѣнадцатаго вѣка. Но долгое время она не была характерно народной, а сливалась с общей поэзіей. Только с шестнадцатого вѣка начинается их раздѣленіе. Городская поэзія, аристократизируясь, отошла от своей сестры и послѣднюю стала хранить лишь память народа, легкомысленная, измѣнчивая и капризная. Большинство дошедших до нас французских народных пѣсен создавались в семнадцатом вѣкѣ,

но всѣ онѣ подверглись позднѣйшей обработкѣ, подновлявщей строеніе фраз и замѣнявшей вышедшія из употребленія слова современными. Всѣ онѣ могут быть раздѣлены на два основные типа: балладный, когда разсказывается какое-нибудь событіе, особенно поразившее народное воображеніе, и лирическій с обязательным припѣвом, пѣніе котораго замѣняло музыку или сопутствовало ей на деревенских балах. Несмотря на то, что во многих мѣстностях Франціи крестьяне говорят на особых нарѣчіях, так называемых патуа, остатках древняго языка, вытѣсненнаго языком центральной Франціи, народныя пѣсни написаны чистым французским языком. Когда крестьянин хочет творить, он ищет слова болѣе изысканныя, чѣм тѣ, которыя он слышит каждый день, особый поэтическій язык. Несчастная лачуга, гдѣ он родился и вырос, становится для него замком его отца, лодка — посеребренным кораблем и т. д. Подобное же явленіе мы замѣчаем порою и в русских пѣснях. В пѣсню проникают только тѣ слова стараго языка, которыя уже утратили всякое значеніе и стали просто звуковым украшеніем стиха, составляя его припѣв.

Среди пѣсен, принадлежащих той или другой деревнѣ, почти не бывает заслуживающих вниманія. Это по большей части описаніе мѣстных событій, обольщеній, драк, краж, грубыя и наивныя. Дѣйствительно замѣчательныя пѣсни бродят по всей Франціи, порой и по Швейцаріи, Италіи, Испаніи, даже порой по

Германіи. Возможно, что онѣ самостоятельно зарождались в каждой из этих стран; человѣческій ум часто сталкивается с одними и тѣми же положеніями, мыслями, из которых рождаются одинаковые сюжеты. Сходство басен Лафонтена со сказками негритянских народов, поэм древне-германских с поэмами восточными, казалось бы, могло служить разительным примѣром. Однако, надо помнить, что прежде общеніе народа между собой было гораздо шире и оживленнѣе. Оно поддерживалось войнами, союзами, паломничествами и огромным скопленіем народа на ярмарках. Кромѣ того, в средѣ народа были свои странствующіе поэты, большей частью нищіе слѣпцы, которые охотно заимствовали пѣсни друг у друга и разносили их по всей западной Европѣ. Мотивы же своего творчества они часто получали в монастырях, гдѣ грамотные монахи, с цѣлью увеличить приток паломников, охотно сообщали им исторіи, сложенныя поэтами спеціалистами.

Таким образом разсказы о пастушках через посредство изысканных пасторалей пришли в народную поэзію из древней Греціи, другіе — о рыцарских приключеніях из рыцарских романов, утѣхи средневѣковых сеньеров и т. д.

В наши дни народная поэзія на Западѣ может считаться умершей. Уже в серединѣ прошлаго вѣка крестьяне думали, что над ними смѣются, когда их просили пѣть их пѣсни. Болѣе развязные пѣли испорченные городскіе романсы, обрывки из опер. Город и тут оказал-

ся поставщиком машинных издѣлій, вытѣсняющим любовно сдѣланную работу. Однако, благодаря стараньям таких терпѣливых и образованных собирателей, как Бюто, Пюимегр, Флери и др., мы имѣем достаточно образчиков этой своеобразной и плѣнительной Поэзіи.

С внѣшней стороны французскія народныя пѣсни рѣдко удовлетворяют требованіям, которыя французскій читатель предъявляет к стихам. Рифмы постоянно замѣняются созвучіями, а иногда пропадают вовсе; мужскія и женскія окончанія стихов чередуются в безпорядкѣ; цезуры отсутствуют, многія слова повторяются только, чтобы сохранился размѣр, который все-таки часто пропадает и т.д.

Но всѣ эти недостатки искупаются по царски. Творец народной пѣсни — брат творца сказок. Для него почти нѣт сравненій и вовсе нѣт метафор. Онѣ тотчас переходят у него в развитіе образа. Там, гдѣ обыкновенный поэт сравнил бы дѣвушку с дикой уточкой, он заставляет дѣвушку превратиться в эту птицу. Соловей, утѣшающій пастушку, переносит вѣсти от нея к возлюбленному и обратно. Корабль, на котором должны плыть дѣвушки, строится из слоновой кости и серебряных досок, а снасти на нем шелковыя и паруса кружевные. Чудо так естественно входит в это творчество, так глубоко проникает его, что нам кажутся событіями иного міра и самыя обыкновенныя исторіи, возвращеніе мужа, похищеніе дѣвушки.

Затѣм самая неопытность поэта часто слу-

жит ему на пользу. Не расчитав хода темы, он постоянно должен выпутываться, чтобы как-нибудь закончить стихотворенiе, и дѣлает это с такою грацiозной наивностью, что мы вполнѣ удовлетворены. Это искуство, которым только начинают овладѣвать современные поэты, заканчивать стихотворенiе, оставляя простор мечтѣ читателя.

В этих пѣснях бѣжит и смѣется веселая, как вино, и горячая, как солнце, гальская кровь. Зубоскальство над мужчиной и галантность по отношенiю к женщинѣ — их главныя темы. Однако и кельтская задумчивость наложила на них свой отпечаток, и обѣ исторiи о Рено плѣняют нас мрачным ужасом и трагизмом положенiя.

Н. Гумилев.

СВАДЬБА МОТЫЛЬКА.

(Колыбельная)

Сыграй-ка свадьбу, мотылек!
— Ах, господин, я так убог. —
В моем коровникѣ есть три быка.
Я их отдам на свадьбу мотылька.

Ах, ах, а ты что скажешь, пес?
— Охочусь я, когда пришлось,
Подстерегу я зайца у лѣска.
Отдам его на свадьбу мотылька.

Ах, ах, а ты что скажешь, лис?
— Ходы я знаю вверх и вниз,
Кур наловить задача мнѣ легка,
Я их отдам на свадьбу мотылька.

А ты что скажешь, воробей?
— Я меньше всѣх и всѣх милѣй,
Я отщипну от хлѣбнаго куска
И принесу на свадьбу мотылька.

А ты что скажешь нам, свинья?
— Жирна, хоть неуклюжа я
И хороши мои окорока,
Я их отдам на свадьбу мотылька.

Ах, ах, что скажешь, кролик, ты?
— Я знаю травы и цвѣты,
Найду я три салатные листка
И принесу на свадьбу мотылька.

Что скажешь, перепелка, нам?
— Нарядне̂е я знатных дам,
Невѣстѣ волосок от волоска
Я расчешу на свадьбу мотылька.

Ах, ах, а ты что скажешь, грач?
— Я черен так, что просто плачь;
Но бѣлое вино из погребка
Я принесу на свадьбу мотылька.

А ты что скажешь нам, журавль?
— Брожу я, голову задрав,
Легко в рѣкѣ поймать мнѣ окунька,
Отдам его на свадьбу мотылька.

Ах, ах, а ты что скажешь, кот?
— Бросаюсь я назад, вперед,
Палит мнѣ шубу пламя камелька,
И это все на свадьбу мотылька.

МАЛЮТКА ЖАНЕТОН.

Когда жила я дома,
Малютка Жанетон,
Спустилась я к колодцу
И там рвала кресcон.
Не спи, не спи, красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

Спустилась я к колодцу
И там рвала кресcон;
В колодезь оступилась,
А был глубокій он.
Не спи, не спи, красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

В колодезь оступилась,
А был глубокій он;
Три всадника тут мчались,
И каждый был барон.
Не спи, не спи красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

Три всадника тут мчались.
И каждый был барон,
— Дай что-нибудь нам, ангел,
И будешь ты спасен! —
Не спи, не спи, красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

— Дай что-нибудь нам, ангел,
И будешь ты спасен! —
Она кричит:— Увидим,
Лишь из колодца вон!
Не спи, не спи, красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

Она кричит:— Увидим,
Лишь из колодца вон!
Потом на землю встала,
Отвѣсила поклон.
Не спи, не спи, красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

Потом на землю встала,
Отвѣсила поклон.
— Ах, это-ль нам награда
За труд, что совершен?
Не спи, не спи, красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

— Ах, это-ль нам награда
За труд, что совершен? —
Он только поцѣлуем
Достойно оцѣнен. —
Не спи, не спи, красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

— Он только поцѣлуем
Достойно оцѣнен. —
— Мой поцѣлуй, — сказала
— Он будет вам спечен. —
Не спи, не спи красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

— Мой поцѣлуй, — сказала,
— Он будет вам спечен
В кастрюлѣ для каштанов
Дырявой с трех сторон. —
Не спи, не спи, красотка,
Тебѣ не в пользу сон.

ДѢВУШКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ В УТКУ.

Высоко, там среди полей,
Высоко, там среди полей
Жила-была дѣвица,
Других милѣй,
Искусная пѣвица.

То слышал королевскій сын,
То слышал королевскій сын:
— Кто ткет там, распѣвая? —
— О, господин,
Красотка молодая.

Сын королевскій влюбчив был,
Сын королевскій влюбчив был:
— Красавица, привѣт вам,
И вы мой пыл
Подарите отвѣтом. —

— Сеньер, — красавица в отвѣт —
— Сеньер, — красавица в отвѣт —
Напрасныя затѣи
И ваш привѣт
Для дам, меня знатнѣе.

— Для тѣх, что рядятся в шелка,
Для тѣх, что рядятся в шелка,
В высокіе корсеты,
В два башмачка,
Чтоб бѣгать по паркету.

Сын короля ее увез,
Сын короля ее увез
Со слугами своими,
Ее увез,
Но только с четверыми.

Дверь старой башни заперлась,
Дверь старой башни заперлась
За грустною красоткой,
Что каждый час
Тоскует за рѣшеткой.

Она глядит: блестит ручей,
Она глядит: блестит ручей,
Смѣются незабудки,
Летят над ней
Высоко в небѣ утки.

Она взглянула и опять,
Она взглянула и опять
Твердит Господне имя,
Чтоб уткой стать
И улетѣть за ними.

И в утку вдруг превращена,
И в утку вдруг превращена,
Темницу покидая,
Летит она,
Туда, гдѣ птичья стая.

Она поет, она поет,
Она поет, она поет:
— Покуда солнце в мірѣ,
Пусть мой полет
Все будет шире, шире. —

И гдѣ она родилась, там,
И гдѣ она родилась, там
Отец осиротѣвшій
Построил храм
Во имя улетѣвшей.

СЛИЩКОМ ПОЗДНО.

Три молодых француза
Собрались на войну,
Собрались на войну,
И не рыдать не в силах,
Вѣдь нынче бросить им
Своих придется милых.

И самый, самый младшій
Тоскует больше всѣх,
Тоскует больше всѣх
При мыслѣ о подругѣ,
Затѣм, что нѣт милѣй
Средь дѣвушек округи.

К палаткѣ капитана
Возлюбленный пришел:
— День добрый, капитан,
Позвольте отпроситься —
Красавица моя
По милому томится.

Как воин настоящій,
Отвѣтил капитан:
— Бери твой патронташ,
Бери твой паспорт новый,
На милую взгляни
И возвращайся снова. —

Возлюбленный приходит
К отцовскому крыльцу:
— Привѣт, привѣт отцу,
Привѣт, привѣт мамашѣ
И дѣвушкѣ привѣт,
Какой не сыщешь краше! —

Отец его отвѣтил:
— От горя умерла
Прекрасная твоя.
Ей выпал тяжкій жребій,
Она лежит в землѣ,
Душа ея на небѣ. —

К палаткѣ капитана
Возлюбленный пришел:
— День добрый, капитан,
Вот, я вернулся снова,
Раз милая в гробу,
Я вам служу до гроба.

СМЕРТЬ И ПОГРЕБЕНІЕ НЕПОБѢДИМАГО МАЛЬБРУГА.

Мальбруг в поход собрался,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Мальбруг в поход собрался,
Воротится ли он?

Воротится он к Пасхѣ,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Воротится он к Пасхѣ
Иль к Троицыну дню.

Вот Троица проходит,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Вот Троица проходит,
Мальбруга нѣт, как нѣт.

Жена на башню всходит,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Жена на башню всходит,
До самого конца.

Ей паж оттуда видѣн,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Ей паж оттуда видѣн,
Весь в черное одѣт.

— Ах, паж мой, паж прекрасный,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Ах, паж мой, паж прекрасный,
Есть новости у вас?

— Я приношу вам новость,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Я приношу вам новость,
Что омрачит ваш взор.

Наряд снимите свѣтлый,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Наряд снимите свѣтлый
И выщитый атлас.

Ваш муж Мальбруг скончался,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Ваш муж Мальбруг скончался,
Скончался и зарыт.

Четыре офицера,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Четыре офицера
На похоронах шли.

И нес один кирасу
Миронтон, миронтон, миронтень,
И нес один кирасу
И щит его другой.

Тот нес большую саблю,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Тот нес большую саблю
А этот — ничего.

Вокруг его могилы,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Вокруг его могилы
Посажен размарин.

На самой верхней вѣткѣ,
Миронтон, миронтон, миронтень,
На самой верхней вѣткѣ
Защелкал соловей.

Его душа взлетѣла,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Его душа взлетѣла
Сквозь лавровую сѣнь.

И каждый пал на землю,
Миронтон, миронтон, миронтень,
И каждый пал на землю
И снова встал потом.

Чтобы воспѣть побѣды,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Чтобы воспѣть побѣды,
Что одержал Мальбруг,

Свершилось погребенье,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Свершилось погребенье
И каждый спать пошел.

И этот лег с женою,
Миронтон, миронтон, миронтень,
И этот лег с женою,
А тот совсѣм один.

Хотя хватило-б женщин,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Хотя хватило-б женщин,
Я много видѣл их.

Блондинок и брюнеток,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Блондинок и брюнеток
И с рыжею косой.

Что мнѣ сказать вам больше,
Миронтон, миронтон, миронтень,
Что мнѣ сказать вам больше,
Довольно и того.

КАДЕ - РУССЕЛЬ.

Каде-Руссель завел три дома,
Ни крыши нѣт, ни водоема,
В них жили ласточки досель;
Ну что, каков Каде-Руссель?
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель завел три фрака,
Два желтых, третiй — как бумага,
И в нем гуляет он, когда
Стоят дожди и холода.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель завел три шляпы,
Двѣ круглыя немного слабы,
У треуголки вид лихой;
Она обмята головой.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель глазами смотрит
Тремя, тот в Канѣ, тот в Ленотрѣ,
Но так как зоркости в них нѣт,
То третiй глаз его — лорнет.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель завел рапиру,
Предлинную на ужас міру,
Но кровью не обагрена,
Стращает ласточек она.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель завел три туфли,
Двѣ — чтобы ноги в них не пухли,
А третью, рваную чуть-чуть,
Он взял, чтоб милую обуть.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель три волосочка
С затылка чешет до височка,
Но для возлюбленнных своих
Он заплетает вмѣстѣ их.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Три друга у Каде-Русселя:
Тот жулик, этот пустомеля,
А третій хитрый, точно шмель,
Вот с ним и схож Каде-Руссель.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый

Каде-Руссель трех держит шавок,
Та спит на лавках, та у лавок,
А третья, стоит засвистать,
Как Жан-Нивелева, — бѣжать.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель трех держит кошек,
Двѣ не хватают даже мошек,
А третій кот совсѣм слѣпой,
Без свѣта ходит за ѣдой,
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель живет в покоѣ,
Трех дочерей своих пристроя;
Не очень-то красивы двѣ,
У третьей пусто в головѣ.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссель три гроша мѣдных
Сберег для кредиторов бѣдных,
Он ими любит побренчать,
Но прячет в кошелек опять.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Руссль актер при этом,
Шенье таким же был поэтом,
В кафе, за ловкую игру
Слѣпым он очень по нутру.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

Каде-Русселю не скончаться:
Стал грамотой он заниматься,
Чтоб прежде, чѣм в могилу лечь,
Надгробный стих себѣ испечь.
Ах! Ах! Ах! Но пожалуй,
Каде-Руссель отличный малый.

ПРІЯТЕЛЬ ГИЛЬЕРИ.

Жил нѣкій человѣк,
Прозваньем Гильери,
Караби,
Пошел он на охоту,
Гдѣ клохчут глухари,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо.
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри!

Пошел он на охоту,
Гдѣ клохчут глухари,
Караби,
На дерево взобрался
И смотрит в пустыри,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри!

На дерево взобрался
И смотрит в пустыри,
Караби,
Но вѣтка подломилась
И рухнул Гильери,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри!

Но вѣтка подломилась
И рухнул Гильери,
Караби,
И руку он и ногу,
Возьми да обдери,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри!

И руку он и ногу,
Возьми да обдери,
Караби,
Сидѣлки из больницы
На шум явились три,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри!

Сидѣлки из больницы
На шум явились три,
Караби,
Одна несет лекарство,
Другая пластыри
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри!

Одна несет лекарство,
Другая пластыри,
Караби,
И всѣ ему повязку
Возьми и смастери,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри!

И всѣ ему повязку
Возьми да смастери,
Караби,
И всѣх их благодарно
Цѣлует Гильери,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри!

И всѣх их благодарно
Цѣлует Гильери,
Караби,
У женщин исцѣленье,
Что там ни говори,
Караби,
Тити Караби,
Тото Карабо,
Пріятель Гильери,
Ты часом не умри.

СОЛДАТ, ВЕРНУВШИЙСЯ С ВОЙНЫ.

Солдат, вернувшийся с войны,
Куку.
Лишь на ногу одну обут,
Куку, корна, рикуку.

— Я прихожу сюда с войны,
Куку.
Хозяйка, есть у вас вино?
— Солдат, деньжат припасено?
Куку, корна, ракуку.

— Нѣт, денег нѣту у меня,
Куку.
Я заложу вам пистолет,
Мой плащ и бѣлаго коня —
Куку, корна, рикуку.

Уже садится он за стол,
Куку.
— Мой муж, он тоже на войнѣ;
На вас похож, да это вы! —
Куку, корна, рикуку.

— Когда пошел я на войну,
Куку.
Оставил я одно дитя,
Так почему теперь их три?
Куку, корна, рикуку.

Знай я, гдѣ их отца сыскать,
Куку.
Убил бы я отца и мать
И в армію бы свел дѣтей,
Куку, корна, рикуку.

Один пошел бы в трубачи,
Куку.
И в кавалерію — другой,
А самый младшій мнѣ слугой,
Куку, корна, рикуку.

КОГДА БЛЕСТѢЛИ ЛИСТЬЯ.

Когда блестѣли листья,
Меня любили пять,
Лалалали, ладеридера.

Когда засохли листья,
Мнѣ двух не насчитать,
Лалалали, ладеридера.

Я не люблю Жан-Пьера,
Он слишком лѣзет в знать.

Я не люблю Жан-Жака,
Он хочет все узнать.

Я не люблю Антона,
Он нѣжен, точно мать.

Люблю я лишь Гильома,
Такого не сыскать.

Меня на бал он водит,
Когда хочу плясать.

А заживем мы вмѣстѣ,
Вот будет благодать!

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗ БОРДО.

Возвращаясь из Бордо,
Красота зиг, зиг,
Красота зиг, зон,
Из Бордо к своей Рошели,
Зиг, зон, зень.

Из Бордо к своей Рошели,
Красота зиг, зиг,
Красота зиг, зон,
Путник мула своего
Зиг, зон, зень.

Путник мула своего,
Красота зиг, зиг;
Красота зиг, зон;
Напоить подвел к фонтану,
Зиг, зон, зень.

Напоить подвел к фонтану,
Красота зиг, зиг,
Красота зиг, зон.
Осторожнѣе, мой мул,
Зиг, зон, зень,

Осторожнѣе, мой мул,
Красота зиг, зиг,
Красота зиг, зон,
Весь фонтан ты опорожнишь,
Зиг, зон, зень.

Весь фонтан ты опорожнишь,
Красота, зиг, зиг,
Красота зиг, зон,
Ничего, мой господин,
Зиг, зон, зень.

Ничего, мой господин,
Красота зиг, зиг,
Красота зиг, зон,
Вѣдь фонтан, как прежде, полон,
Зиг, зон, зень,

УДИВИТЕЛЬНЫЙ КОРАБЛЬ.

Вот дѣвушки из Гавра,
Онѣ собрались в док,
Корабль сооружают,
Чтоб ѣхать на Восток.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

Корабль сооружают,
Чтоб ѣхать на Восток,
Корабль слоновой кости,
Серебряных досок.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

Корабль слоновой кости,
Серебряных досок,
И шелковыя снасти
И мраморный мосток.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

И шелковыя снасти,
И мраморный мосток,
И паруса из кружев,
Сплетенных на зубок.
Листок летит, порхает,
Уносится листок

И паруса из кружев,
Сплетенных на зубок;
Всѣм дѣвушкам-матросам
Шестнадцатый годок.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

Всѣм дѣвушкам-матросам
Шестнадцатый годок,
В пятнадцать лѣт меньшая
Ведет их на Восток.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

В пятнадцать лѣт меньшая
Ведет их на Восток,
Ее любил недавно
Веселый паренек,
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

Ее любил недавно
Веселый паренек,
Она рыдает горько
И проклинает рок.
Листок летит, порхает,
Уносится листок

Она рыдает горько
И проклинает рок.
— Красавица, что с вами,
Чѣм жребій ваш жесток?
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

— Красавица, что с вами,
Чѣм жребій ваш жесток.
Иль вашу мать вам жалко,
Отца, родных кружок? —
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

— Мнѣ мать мою не жалко,
Отца, родных кружок.
Мнѣ жаль мою невинность,
Что гонит вѣтерок.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

— Мнѣ жаль мою невинность,
Что гонит вѣтерок,
На том красивом суднѣ,
Гдѣ ѣдет мой дружок.
Листок летит, порхает,
Уносится листок

На том красивом суднѣ,
Гдѣ ѣдет мой дружок,
Совсѣм меня покинуть,
Я вѣрю, он не мог.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

Совсѣм меня покинуть,
Я вѣрю, он не мог,
Я встрѣчусь с ним, быть может,
Прiѣхав на Восток.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

Я встрѣчусь с ним, быть может,
Прiѣхав на Восток,
Когда я брошу якорь
В Покорности песок.
Листок летит, порхает,
Уносится листок.

АНГЛІЙСКІЙ КОРОЛЬ И ВОСЕМЬДЕСЯТ ДѢВУШЕК.

В Парижѣ их, дѣвиц,
Всѣх восемьдесят было,
Плясали на мосту,
Садились на перила.
Такой, как у меня,
Никто не сыщет милой.

Пред ними молодой
Прошел король Англійскій
И всѣм, опричь меньшой,
Поклон отвѣсил низкій.
Такой, как у меня,
Никто не сыщет милой.

— Что-ж не хотите вы,
Король, мнѣ поклониться? —
— Я вижу по глазам,
Что ты уж не дѣвица.
Такой, как у меня,
Никто не сыщет милой.

— Ты просто негодяй,
Узнай, король Англійскій! —
Он поднимает меч,
А я мой штык воинскій.
Такой, как у меня,
Никто не сыщет милой.

Оставь Париж, ступай,
Гдѣ братьев ждут тринадцать,
За каждаго хлебни
По очереди братца.
Такой, как у меня,
Никто не сыщет милой.

ВѢСТНИК СОЛОВЕЙ.

С дневной прохладой
Бросает Сильвія свой дом
И гонит стадо
На луг с ручьем,
На луг прекрасный,
Гдѣ прежде к ней спѣшил пастух,
Но пламень страстный
Его потух,

Грустна пастушка,
Привѣтствуя приход весны,
И сердцу душно,
В нем тѣ-же сны.
Какое бремя
Ей ткать одной у тихих вод!
Проходит время,
А друг нейдет.

В зарѣ блестящей
Чуть видѣн солнца полукруг,
Летит к грустящей
Веселый звук,
Щебечут птицы,
Средь них поющій соловей,
Он для дѣвицы
Всего милѣй.

Она в смятеньи
К нему: услышь мольбы мои,
Узнай томленье
Моей любви.
Вѣдь ты порхаешь,
Как вольный путник, над землей,
Ты вѣрно знаешь,
Гдѣ милый мой.

— Ах, что скажу я
Тебѣ, о Сильвія, о том,
Чьи поцѣлуи
Палят огнем?
Теперь он лучник,
Теперь он служит королю.
Забудь же лучше
Любовь твою. —

— О, быстрокрылый,
О сладкогласный соловей,
Туда, гдѣ милый,
Лети скорѣй,
И умоляю,
Снеси ему ты перстень мой.
Что я сгораю,
Ему пропой. —

Помчалась птица,
Полет прекрасен средь равнин,
Она стремится,
Спѣшит в Берлин,

И видит войско
Французов в зелени ракит,
В нем нѣт разстройства
И все блестит.

Садится птица
Пред ярко-вышитым шатром,
Дружку дѣвицы
Поет потом:
— Брось шлем желѣзный
И выглянь из шатра на свѣт,
Я от любезной
Несу привѣт.

Твоя пастушка
Грустит одна и день и ночь,
Ей, простодушной,
Любить невмочь.
Любовь такая
Полна печали и тягот,
И, ожидая,
Она умрет.

Блѣднѣе смерти
Любовник потрясенный встал,
Увидѣл перстень
И зарыдал,
Сказал: — Бывало,
Он был свидѣтелем услад,
Она прислала
Его назад.

Пѣвец послушный,
Возьми обратно перстень твой,
Найди пастушку
В глуши лѣсной
И дорогую
Утѣшь, пропѣв, что я люблю,
Что я цѣлую
Ее, мою. —

— Назад возьмите,
Пастушки, перстень, дар любви
И сохраните
Мечты свои
Он увѣряет,
Что будет горести конец
И приглашает
Вас под вѣнец.

УТѢШЕННЫЙ ЛЮБОВНИК.

— Привѣт тебѣ, Нонета,
Я буду твой слуга. —
— Куда мнѣ честь такая,
Я слишком молодая,
Но подождите год,
Тогда мой срок придет.

Отец перед окошком
Их слышал разговор:
— Я дочь уже просватал,
Жених ея богатый,
А вы ей не жених,
Оставьте нас одних. —

Когда уйти я должен,
Тогда я удалюсь
В обитель пресвятую
За дѣвушку такую,
И буду вновь и вновь
Оплакивать любовь.

— Нонета, о Нонета,
Дай ножницы твои,
Чтоб я разрѣзал узы
Любовнаго союза,
В котором был наш рай,
Сказав тебѣ — прощай! —

— В моем карманѣ ножниц,
Мой друг, я не ношу,
Онѣ в моей свѣтелкѣ,
У столика на полкѣ,
Там, гдѣ моя кровать,
Пойдем их поискать. —

— Нонета, о Нонета,
Так дай мнѣ твой платок,
Я вытру слез потоки,
Что мнѣ сжигают щеки,
Скажу тебѣ — прощай, —
И кину этот край. —

Платка в моем карманѣ,
Мой друг, я не найду,
Ах, он в моей свѣтелкѣ
У столика, на полкѣ
Там, гдѣ моя кровать,
Пойдем его искать. —

И брат ея услышал
Подобный разговор:
— Зачѣм вы, мой родитель,
Их счастья не хотите,
Он — честный человѣк,
Дадим ему Нонет.

ПРОПАВШАЯ ОВЕЧКА.

Луга сосѣдніе мягки,
Луга сосѣдніе мягки,
Пастушка молодая
Сидит на берегу рѣки,
Овечек охраняя.

Но близко волк огромный был,
Но близко волк огромный был,
Он перепрыгнул рѣчку
И у пастушки утащил
Любимую овечку.

— Марія Дѣва, Мать Христа!
— Марія Дѣва, Мать Христа! —
Кричит она с испугом,
— Когда-б овечку кто достал,
Он сдѣлался б мнѣ другом.

То слышал ловчій короля,
То слышал ловчій короля,
Схватил он свѣтлый меч свой,
Три раза обошел поля
И вот пришел с овечкой.

— Вот ваш любимец жив и цѣл,
— Вот ваш любимец жив и цѣл,
Без пятнышка на кожѣ,
И если угодил я тѣм,
Мнѣ угодите тоже. —

— Я отказаться не могу,
— Я отказаться не могу,
Награда — по работѣ:
Когда овцу я остригу,
Вы шерсть себѣ возьмете. —

— Я не выдѣлываю кож,
— Я не выдѣлываю кож,
И шерстью не торгую,
Одна награда мнѣ — любовь,
Я не возьму другую. —

— Ах, тише, умоляю вас!
— Ах, тише, умоляю вас!
Здѣсь мать бывает вѣчно
И коль она услышит нас,
Разсердится конечно.

ВОЗВРАЩЕНІЕ МУЖА.

— Привѣт тебѣ, Нонета,
С тобою я опять,
Довольно без отвѣта
Тебѣ рыдать и ждать,
К тебѣ, моя пастушка,
Вернулся я,
С любовью простодушной
Цѣлуй меня.

— Вы шутите со мною,
Вѣдь я не знаю вас;
Обиден мнѣ, не скрою,
Подобный ваш разсказ.
Того, кого люблю я,
Давно здѣсь нѣт,
Он в Индію уѣхал
Уж десять лѣт.

— Припомни же, Нонета,
Как нѣкогда в саду
Для нашего букета
Мы рвали резеду
И ты мнѣ говорила,
Полна огня:
Цѣлуй меня, мой милый,
Люби меня.

— Припомни, дорогая,
Всѣ нѣжности твои,
Скажи мнѣ, дорогая,
Про плод моей любви,
— Милѣй, чѣм наш ребенок
Не отыскать.
Он вышел из пеленок
Уже лѣт пять.

— Свободно ли он ходит,
Мой милый мальчуган,
На мать ли он походит,
Как и она, румян? —
— О, нѣт, ни с кѣм он кромѣ
Тебя не схож
У матери ты в домѣ
Его найдешь.

— Поклон вам, теща, низкій,
Здоровья много лѣт,
Я путь прошел не близкій,
Чтоб вам сказать привѣт.
— Какое удивленье!
Привѣт вам, зять,
Идем без промедленья
Дитя обнять.

— Скажите мнѣ, мамаша,
Дѣйствительно-ль портрет
Отца малютка наша,
Как говорит Нэнет.
— Мы подойдем украдкой
К дверям его,
Он спит в своей кроваткѣ
Так глубоко.

ЖЕРМЕНА.

Жермена ясным утром
Отправилась гулять,
А три матроса статных
Навстрѣчу ей как раз
И говорят:— Дѣвица,
Мы рады видѣть вас!

— Я вовсе не дѣвица,
Хоть мужа здѣсь и нѣт.
Отец мой выдал замуж
Меня в пятнадцать лѣт;
Со дня-ж, как муж уѣхал,
Прошло шестнадцать лѣт.

— Вы, госпожа, быть может,
Хотите нас принять? —
— Нѣт, господа, повѣрьте,
Вам негдѣ будет спать.
Блюла я добродѣтель
И буду соблюдать.

Матросы обращаются к другой дамѣ, свекрови Жермены.

— Вы, госпожа, быть может
Хотите нас принять? —
— Да, господа, конечно,
И ѣсть, и пить, и спать,
И если надо женщин,
Я их могу достать.

— Спасибо вам, спасибо,
Что рады нас принять.
Мы только ѣсть не будем,
Не будем пить и спать,
Раз не придет Жермена,
Жермена к нам опять. —

Свекровь приходит к Жерменѣ.

— Привѣт тебѣ, Жермена,
Три гостя есть у нас,
Но пить они не будут,
Не будут ѣсть и спать,
Раз не придет Жермена,
Жермена к ним опять. —

— Не будь вы мнѣ свекровью,
Не будь вы мужу мать,
Стащила вас тогда бы
Я на Ліонскій мост
И бросила-б вас рыбам,
Чтоб рыбы съѣли вас. —

Несчастная старуха
Спѣшит домой тогда:
— Жермена не согласна,
Простите, господа,
Мнѣ женщины ужаснѣй
Не видѣть никогда.

Один из матросов приходит к Жерменѣ.

— Эй, эй, вставай, Жермена,
Скорѣй вставай теперь;
Твой милый муж с тобою
Бесѣдует, повѣрь;
Для друга дорогого
Открой немедля дверь. —

— Вы, может быть, обманщик
И все это не так,
Вы нашей первой ночи
Мнѣ укажите знак,
И я тогда повѣрю,
Что вы и есть мой друг.

— Тогда, Жермена, вспомни,
Как под моей рукой
Переломился перстень,
Твой перстень золотой,
Взяла ты половину,
Другая пред тобой. —

— Вставай же, негритянка,
Скорѣй вставай теперь
И вѣрному супругу
Открой немедля дверь.

ШВЕДСКАЯ КОРОЛЕВА И КОРСАР ДЕ-БОМОН.

Отплыли в воскресенье
От Шведской мы земли,
И нашу королеву
Мы в Англію везли.

Когда-же проплывали
Насупротив Калэ,
Французскаго корсара
Мы встрѣтили во мглѣ.

И он нам крикнул: — Живо
Твой гордый флаг спусти,
Когда его не спустишь,
Тебѣ ко дну идти! —

Он самым первым залпом,
Который дал по нам,
Сломал нам двѣ каюты
И выбил два окна.

Он слѣдующим залпом,
Который дал по нам,
Переломал нам реи
И мачту, и бугшприт.

Шведскій фрегат сдается; королева открывает свое званіе.

— Я — королева шведов,
Сродни мнѣ свой король,
Ты-ж капитан ничтожный
Мнѣ причиняешь боль.

— Возьми сребро и злато,
Возьми казну мою,
Лишь чести у царевен
Не отнимай, молю!

— Тебѣ корабль отличный,
Фрегат мой отдаю,
А ты оставь честь фрейлин
И прежде всѣх мою. —

— Беру корабль с казною
Под руку я мою,
И честь твоих царевен
И прежде всѣх твою.

— Я честь твоих царевен
Оставлю для солдат
И буду сам с тобою
О, королева, спать. —

— Я дочь мою меньшую,
Что больше всѣх мила,
Фламандскому барону
Заглазно отдала. —

— Забудем про Фламандца,
Что мнѣ Фламандец твой,
До наступленья ночи
Ты будешь спать со мной. —

— Ты, капитан ничтожный,
Ты хуже чѣм взбѣшен,
Вѣдь будь здѣсь даже дьявол,
Со мной бы плакал он. —

— Нѣт, я совсѣм не дьявол,
Не звѣрь я, что взбѣшен,
Я — капитан и только,
Извѣстный капитан.

В повсюду знаменитой
Семьѣ я был рожден
Сеньеров из Дузвиля,
Виконтов де-Бомон. —

— Бомон, когда вернусь я
Во Францію твою,
Я жаловаться буду
На это королю. —

Видя, что его нельзя тронуть, она мѣняет тон:

— Ты, капитан ничтожный,
Позволишь может быть
На мой фрегат пойти мнѣ
Прическу измѣнить. —

— Нѣт, нѣт, моя красотка,
Туда ты не пойдешь,
Блѣднѣешь ты, краснѣешь,
Ты в воду упадешь. —

МОНАХ И ДЬЯВОЛ.

Жил-был один монах святой,
Забыл в обители какой,
Он прятал в комнатенку
Красивую дѣвченку.

Вот било полночь на часах
И поднимается монах,
Он шепчет Жакелинѣ:
— Заутрени час нынѣ! —

Едва монах добряк ушел,
Как Жакелина шасть за стол,
Открыла там чернила
И щеки зачернила.

И подбородок, губы, нос,
И лоб с висками до волос,
И грудь и шею тоже —
Как будто так пригожѣй.

Вот возвращается монах,
В испугѣ вскрикивает: — Ах!
Ко мнѣ, спѣшите, братья!
Здѣсь дьявол, сын проклятья! —

Уже отец привратник тут,
Лишь на ногу одну обут:
— Отвѣть мнѣ, привидѣнье,
Ты Божье ли творенье? —

— О да, творенье Бога я,
И ждет меня моя семья,
Но я уж три недѣли
С монахом сплю в постели. —

— Ха, ха, ха, ха, брат Николай,
Вѣдь настоятель, лишь узнай,
Пропишет дисциплину
За вашу Жакелину.

— Пожалуй, -- отвѣчал монах, —
Что в ваших я теперь руках,
Но мы сочтемся с вами,
Вѣдь вы грѣшили сами.

ПОБѢГ.

Вот вам повѣдает мой стих
Исторію на диво
Про двух влюбленных молодых
Из города Сент-Ива.
Она потѣшить может вас,
Она весьма забавна
И, как увидите сейчас,
Произошла недавно.

Какой-то здѣшній молодец
Любил одну дѣвицу,
Но был жесток ея отец,
Он знал одно — сердиться:
— Да, если я узнаю вновь,
Что против запрещенья
Меж вами есть еще любовь,
Не будет вам прощенья.

Сеньер побрякал золотым
И подкупил служанку,
Которая давала им
Встрѣчаться спозаранку.
Отец нарушить этот мир
Пришел однажды, лютый,
И дочь отправил в монастырь,
Не медля ни минуты.

Разочарованный сеньер
Так пламенем и пышет,
И вдруг случайно разговор
Двух каменщиков слышит.
Они бесѣдовали: — Нам
Пора итти далече
Чинить по всѣм монастырям
Испорченныя печи. —

Сеньер к тѣм людям подошел,
Попрежнему убитый
И сразу выложил на стол
Свой кошелек набитый.
И, угощая печника,
Его он молит слезно,
Чтоб отдал тот исподтишка
Письмо его любезной.

Печник подходит ко двору
Монастыря большого
И видит юную сестру
С игуменьей суровой.
Он, рот разинув, издает
Ужаснѣйшіе крики:
— О, как схватило мнѣ живот,
Умру от боли дикой. —

Пока игуменья бѣжать
Пустилась за лекарством,
Сестрѣ письмо он передать
Успѣл с большим коварством.

И пишет дѣвушка отвѣт
И вѣжливый, и страстный,
Что снова выбраться на свѣт
Она вполнѣ согласна.

— Печник, от счастья я умру,
Спаситель мой не ты-ли,
Но как бы выкрасть нам сестру,
Чтоб нас не изловили? —
И возвращается печник
В обитель пресвятую,
В мѣшок укладывает вмиг
Дѣвицу молодую.

И, рот разинув, издает
Ужаснѣйшіе крики:
— Открой мнѣ дверь, честной народ,
Несу я груз великій. —
Весь монастырь проходит он
С игуменьей суровой,
И друг прелестный возвращен
Возлюбленному снова.

Берет пятьсот червонцев вор
За ловкую затѣю,
И обручается сеньер
С возлюбленной своею,

ДѢВУШКА-СОЛДАТ.

Кто хочет слышать про отвагу
У дѣвушки в пятнадцать лѣт:
Она берет стальную шпагу,
Когда дружка простыл и слѣд,
Потом приходит к капитану
И молвит: Я солдатом стану!»

Замѣтил капитан, шутя,
Любуясь стройностью красотки:
— Но ты совсѣм еще дитя,
Без волоска на подбородкѣ. —
— Так что-ж, — она ему в отвѣт,
Меня отважнѣй все же нѣт. —

И капитан не спорил болѣ,
Дал ей пистолей пятьдесят,
— Вот, молвит, пятьдесят пистолей,
Тебя принять я очень рад.
Раз взял ты деньги по закону,
Иди немедля к эскадрону.

Вот в крѣпости она, и тут
Всѣ собрались вкруг дѣвы юной,
Коня ей добраго дают,
И шпоры, и мундир драгуна.
Глядит красавица вокруг
И видит, что проходит друг.

— А, вот ты, друг неблагодарный,
Должна я жизнь твою пресѣчь,
Ты сердце взял мое коварно,
Бери тотчас-же в руку меч! —
И свой она в него вонзила,
Кровь хлынула с ужасной силой.

— Пусть будет схвачен тот драчун,
Что поднял ссору средь драгун.—
— Не троньте, господин полковник,
Я знатнаго барона дочь,
Меня покинул мой любовник
И я его убрала прочь. —

СЫН БОГАТАГО.

Богатаго торговца
Любимый сын,
В кругу семьи родимой
Я был один.

И мнѣ всегда твердила
Семья моя,
Что должен на богатой
Жениться я.

И я нашел по нраву
Себѣ одну,
Но было трудно выбрать
Бѣднѣй жену.

Однажды с ней гулял я
Среди полей,
Она со мной дѣлилась
Тоской своей.

Ей сказанное слово
Зажгло мой пыл,
К родительскому дому
Я поспѣшил.

— Жени меня, родитель,
Жени меня,
Возлюбленную сердца
Уж встрѣтил я.

— Возлюбленную сердца
Забудь, сын мой,
Бѣдна она—не быть ей
Твоей женой.

В отчаяньи влюбленный
Давай кричать,
Пытается зарѣзать
Отца и мать.

То видѣла дѣвица
В своем окнѣ
И в гнѣвѣ восклицает:
— Чужой ты мнѣ!

— Ты мать свою обидѣл
Из-за меня
Родителя зарѣзал,
Я — не твоя! —

— Что-ж, дѣвушка, окончу
Я жизнь мою
И мы сыграем свадьбу
С тобой в раю. —

— В раю нам повстрѣчаться
Не суждено:
Тебѣ с Іудой мѣсто
Припасено. —

РЕНО И ЕГО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЖЕН.

Рено, весь золотом горя,
Пріѣхал к дочкѣ короля
И за семь лье ее увлек,
Чтоб видѣть их никто не мог.

Дорога трудная длинна:
— Рено, Рено, я голодна. —
— Придется руку вам глодать,
Не видѣть хлѣба вам опять.

Они заѣхали в чащу:
— Рено, Рено, я пить хочу. —
— Тогда сосите вашу кровь,
Вина не видывать вам вновь.

Они уже у тростника:
— Взгляните, вот бѣжит рѣка,
Я дал четырнадцать ей дам
И вас, пятнадцатую, дам. —

Они уже средь камыша:
— Снимайте платье, госпожа,
Рубашку вашу изо льна,
Что, точно чистый щелк, нѣжна. —

— Смотрѣть не должно господам
На раздѣвающихся дам,
Завязывают господа
Платком глаза свои тогда. —

Как услыхал Рено о том,
Глаза он завязал платком,
Тогда красавица нашлась:
Столкнула вниз его тотчас.

Рено, Рено почти в рѣкѣ,
Висит на тоненьком сучкѣ,
Красавица хватает меч,
Сучек пытается отсѣчь.

— Что скажет ваша вся родня,
Как вы вернетесь без меня? —
— Скажу, что сдѣлала с тобой,
Что думал сдѣлать ты со мной. —

— Зашли мы очень далеко,
Домой вернуться не легко. —
— Сумѣет конь меня вернуть,
Ему знаком обратный путь. —

— Ах, дайте руку — свѣт померк!
Мы обвѣнчаемся в четверг! —
В рѣкѣ, Рено, ты вкусишь сон
Среди четырнадцати жен! —

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ В ЗАТОЧЕНЬИ.

Была дочь принца влюблена,
Отца гнѣвила тѣм она,
Ее он в башню посадил,
Чтоб угасить любовный пыл.

Она сидит уже семь лѣт
И посѣтителей к ней нѣт,
Когда седьмой промчался год,
Отец к дверям ея идет.

— Ну, как ты время провела?
— Не хороши мои дѣла,
Колодка на ногах тяжка
И черви мнѣ грызут бока.

Отец, не можете ли дать
Мнѣ денег, су четыре-пять;
Я их тюремщику отдам,
Чтоб он помог моим ногам.

— Я больше денег дать могу,
Сто тысяч новеньких экю,
Я дам мильон тебѣ сейчас,
Чтоб от любви ты отреклась.

— Отец, пока я не мертва,
Любовь останется жива;
Семь лѣт останусь в башнѣ вновь,
Но не забуду про любовь.

— Ну что-же, дочка, ты умрешь,
Но облегченья не найдешь. —
Пусть будут свѣчи зажжены,
Ея мгновенья сочтены.

Пусть будут свѣчи зажжены,
Печали всѣ завершены!
И за аббатом вслѣд аббат
За гробом с пѣніем спѣшат.

Проходит королевскій сын,
Кричит: — Постойте миг один!
В гробу том милая моя,
Ее опять увижу я.

Он вынул ножик золотой
И саван распорол льняной;
От сна очнувшись своего,
Узнала дѣвушка его.

Аббатов юных шесть иль пять
Давай смѣяться и кричать:
— Пришли мы ради похорон,
А брак здѣсь будет заключен! —

ЖАН РЕНО.

Как Жан Рено пришел с войны,
То были всѣ кишки видны.
— Здорово, мать! — Здорово, сын!
Ждет новорожденный крестин! —
— Здорово мать! — Здорово, сын!
Ждет новорожденный крестин!

— Идите поскорѣе, мать,
Постель мнѣ чистую постлать,
Да соблюдайте тишину,
А то разбудите жену,
Да соблюдайте тишину,
А то разбудите жену.

И в ночь, — так было суждено, —
В мученьях умер Жан Рено,
Послѣдній крик ужасен был,
Его жену он разбудил.
Послѣдній крик ужасен был,
Его жену он разбудил.

— Скажите мнѣ, скажите, мать,
Кто мог бы так кричать? —
— Ах, дочка, кто-то из ребят,
Знать, зубы у него болят.
— Ах, дочка, кто-то из ребят,
Знать зубы у него болят.

— Скажите мнѣ, скажите, мать,
Кто это мог бы там стучать? —
— Ах, дочка, это столяры
Готовят кегли и шары.
— Ах, дочка, это столяры
Готовят кегли и шары.

— Скажите мнѣ, скажите, мать,
Кто-б мог молитвы там читать? —
— Ах, дочка, это крестный ход
Вкруг дома нашего идет.
— Ах, дочка, это крестный ход
Вкруг дома нашего идет.

— Но почему, скажите, мать,
Рыданій вам не удержать? —
— Ах, дольше мнѣ скрывать грѣшно,
Сегодня умер Жан Рено.
— Ах, дольше мнѣ скрывать грѣшно,
Сегодня умер Жан Рено.

— Могильщикам велите, мать,
Мотилу для двоих копать,
И гроб пусть будет так широк,
Чтобы и сын наш лечь там мог.
И гроб пусть будет так широк,
Чтобы и сын наш лечь там мог.

ПРИМѢЧАНЬЯ

К смерти и погребенью непобѣдимаго Мальбруга: Знаменитая пѣсня о Мальбругѣ была сложена в 1709 г. послѣ распространившихся в войскѣ слухов, что герцог Мальбруг убит в битвѣ при Мальпланѣ. Игривое воображенье француза сейчас же составило картину погребенья и прибытья пажа к герцогинѣ с печальной вѣстью. Забытая, она вновь вошла в моду в 1781 г., когда король и королева, услыхав ее из уст кормилицы Дофина, восхитились ею и выучили наизусть. За ними стали повторять ее придворные, потом горожане, скоро вся Европа начала пѣть ее. В Россіи имѣется ряд переводов ея, старых и новых.

К Каде-Русселю: Эта пѣсня стала извѣстна около 1792 г. Французскіе солдаты подслушали в Брабантѣ пѣсню о Жан-Нивелѣ и так как мало знали о героѣ пѣсни, то и замѣнили его именем какого нибудь шута в полку, над которым трунили. Жан Нивель был сыном герцога Монморанси и принимал участіе в междоусобіях, на сторонѣ враждебной его отцу. Тот трижды призывал своего сына, но Жан-Нивель, увѣдомленный тайно, что его хотят посадить в тюрьму, скрылся. Когда отцу объявили об этом, он воскликнул: «эта собака, Жан-

Нивель, убѣгает, когда ее зовут!» По французски это выходит в рифму и народ передал эти слова по своему, воображая, что здѣсь говорится о собакѣ Жан-Нивеля.

К Корсару де Бомон: Это очень распространенная в Нормандіи пѣсня, но ни точная эпоха ея возникновенья, ни историческая подкладка ея неизвѣстны. Корсарами называются партизаны, дѣйствующіе на морѣ. Существует преданье, что кавалер де Бомон послѣ описаннаго случая был дѣйствительно вызван королем, но избѣжал наказанья, погрозив, что уйдет со своим отрядом в Англію, откуда начнет грабить французскія суда.

Оглавленіе.

Стр.

ТОГО ЖЕ АВТОРА.
В ПЕЧАТИ:

Фарфоровый павильон

Эмали и Камеи

Колчан

Костер

Шатер

Мик

К синей звѣздѣ

Гондла

Дитя Аллаха

Огненный столп

J. J. VASSILIEFF
1363 Rue Lafayette
Shanghai, China

На складѣ:

Гр. Е. А. Саліас — Свадебный бунт. Роман.
Я. Лович — Враги. Роман.
Я Лович — Дама со стилетом. Роман.
Я. Лович — Что ждет Россію. Роман.
Я. Лович — Ея жертва. Разсказы о любви.
Г. Кочуров — Послѣдняя китаянка. Роман.
Г. Кочуров — Ли-чжоу. Роман.
П. Сѣверный — Туман над Камой.
З. Баженова — Изломы жизни. Роман.
Н. Рѣзникова — Пушкин и Собаньская. Истор. повѣсть.
Н. Агнивцев — Блистательный Санкт Петербург.
Н. Гумилев — Жемчуга.
Н. Гумилев — Чужое небо.
Н. Гумилев — Французскія пѣсенки
Л. Н. Толстой — Работник Емельян и пустой барабан.

В печати:

Клавдія Лукашевич — Школьник — нищій.
Ван Дайн — Убійства в семьѣ Грин. Детективный роман.
Али-Баба и сорок разбойников — Арабская сказка из 1001 ночи.

2005041934